

Кажется, он всерьёз полагал, что мы отпустим его на все четыре стороны и будем тут спокойно ждать. Ну конечно!

Это опять Катя. Если кому-то интересно, я в норме. С дикцией тоже порядок, не верьте Яшу

Дядя Вова — тот ещё борец со злом. Вооружился резиновой дубинкой и взял большую мороженую горбушу из холодильника. Горбуша была уже не такая дубовая, как обычно, плавники болтались, с них текла вода, но дядя Вова уверял, что и такая рыба пригодится.

— Самая короткая дорога к мусору — здесь, — сказал он, приближаясь к двери с надписью «Пожарный выход».

— Разве пожарный выход ведёт не на улицу? — удивилась я.

— Вас где таких умных штампуют? — прошипел дядя Вова. — Любой выход — пожарный. В том числе этот. А мусор — он везде, просто тут его больше.

Я пожалала плечами. Даже лучше, если за дверью ничего не окажется, кроме ведёрка конусом и плана эвакуации. Но кажется, там что-то было. От двери тянулась едкая сладковатая вонь. Мы приняхались и скривились, только дядю Вову не проняло. Он зло сощурился и подошёл к двери.

— Тухлятина, — сказал он. — Мясо гниёт.

Дядя Вова неловко повернулся, ноги его разъехались, и он упал. Галя шагнула к нему, чтобы помочь, и тоже упала.

— Стой, — сказала я, схватив Яша за свитер. — Смотри.

Из-под двери вытекала густая тёмная жижа. Галя и дядя Вова с трудом поднялись на ноги. Они скользили прямо как пара неумелых фигуристов.

— Плохо дело, — сказал дядя Вова. — Там беда внизу. Может, и ходить туда не стоит.

— Если мы не спустимся и не разберёмся, рано или поздно оно придёт к нам, — заметил Яш.

— Вов, а может, по камерам посмотрим? — предложила Галя. — Чего соваться зря. Мусор и мусор, протёк слегка.

— Не работают камеры, — сказал дядя Вова. — Выключились. Но, что интересно, ещё раньше одна из них zasekla движение. Там картинка мутная, в расфокусе — или тень, или не знаю что. Я раз десять пересмотрел, а потом запись сама собой стёрлась.

— Может, хулиган какой? — задумалась Галя. — Перевернул бачки, чтобы магазину отомстить. Или просто по дури.

— Хулиган, не хулиган, надо проверить, — сказал дядя Вова и достал магнитную карточку. — Все готовы? Я открываю.

Пикнуло устройство разблокировки, дядя Вова толкнул дверь дубинкой и бросил в открывшийся проём

горбушу. Было слышно, как та плюхнулась во что-то жидкое. Чмяк! А потом... потом раздались хруст и чавканье.

– Закрывай! – крикнула Галя.

Но дядя Вова застыл как парализованный. Он уронил дубинку. Постоял, склонив голову набок под неестественным углом, и шагнул через порог. Сначала было тихо, только где-то далеко жужжала вентиляция и капала вода. Потом пол содрогнулся, со всех сторон поползли шорохи, нас обдало волной вони. А из подвала раздались звуки борьбы и короткий вскрик. Не раздумывая, мы кинулись спасать дядю Вову.

– Вова! Вова, ты где? – закричала Галя. В подвале было темно. Тусклого света из магазина хватало только на верхние ступени бетонной лестницы. А нам нужно вниз, в непроглядный мрак.

– Давайте вернёмся! – попросила я. – Он тоже вернётся. Потом. Всё проверит и придёт назад. Как обещал. Тут дышать нечем.

– Катя, – повернулся ко мне Яш. – Надо. Сейчас или никогда. И дядя Вова в опасности.

– А мы? Мы тоже! Яш, пожалуйста, обдумаем всё ещё раз. Может, камеры уже включились. Не надо нам в подвал.

– Оставайся, – предложил он. – Мы с Галей сходим на разведку.

– Одна? В магазине? – Я поняла, что он не отступает. – Я с вами.

— Горбуша, — тихо сказала Галя, поднимая рыбу за хвост. — Смотрите, её кто-то погрыз.

На рыбе были длинные рваные раны. И она совсем разморозилась.

— Вова! — позвала Галя. — Не пугай нас! Ты там где? Ау! Не молчи давай.

Но дядя Вова молчал. Мы включили фонарики на телефонах и стали спускаться. Стены в подвале были измазаны бурым, густым и мерзким на вид, под ногами валялся мусор: размякшие овощи с плесенью, вздутые пакеты с кефиром и сметаной, открытые банки с консервами — там, внутри, что-то копошилось, я решила не присматриваться.

И вдруг мы услышали музыку. Короткая простая мелодия звучала глухо, как из-под подушки.

— Это наш джингл, — сказал Яш. — Только с ним что-то не то.

— В другой тональности, — отозвалась Галя. — Я раньше музыкальным работником в детском саду была, разбираюсь.

— Ну надо же! — выдохнул Яш.

Забормотал что-то про киборгов, но тут под моей ногой лопнул пакет с замороженными... то есть теперь с размороженными грибами. Я отпрыгнула и толкнула Яша. Он не удержался на ногах и упал на четвереньки.

— Стойте, тут что-то есть! — Он поднял с пола куртку. — Дяди-Вовина. Вся рваная.

– Может, он специально, шутки ради? – спросила я. – А потом выпрыгнет откуда-нибудь целый?

– Хорошо бы так, – сказала Галя. – Смотрите по стонам и под ноги.

Мы медленно продвигались вперёд, дышать становилось всё труднее. Я зажимала нос пальцами, а дышала ртом – тоже противно, но хотя бы можно думать, что у меня случился насморк. Я зажмурилась на пару мгновений, а когда открыла глаза... стояла одна, в круге света от фонарика.

– Яш, – сказала я тихо, едва узнавая свой голос. – Это не смешно. Ты где? Ты здесь?

– Да, – ответил кто-то. Чужим, незнакомым голосом. И гаденько захихикал.

– Нет, не надо! Я пойду назад. Вернусь. Не приближайся ко мне. Стой где стоишь.

И я побежала. Сердце колотилось в горле. Что-то серое, длинное тащилось за мной. Медленно, шаркающей походкой. Ближе. Ноги стали тяжёлыми. Рёбра разрывала боль. Старик! Он нашёл меня. Идёт следом. Господи, за что? Где лестница? Мы ведь недалеко отошли. Куда она делась?

Кроссовки вязли в грязной каше. Джинсы вымокли. Сзади раздался короткий смешок, а может, кашель, и кто-то с силой схватил меня за плечо. Я вздрогнула, обернулась, рядом стояли Яш и Галя.

– Э-э-э... О-о-о... – Я зажмурилась и потрясла головой, чтобы мысли перестали разбегаться. – Что случилось?

— Это я у тебя хотел спросить, — обиженно сказал Яш. — Ты вдруг остановилась, уставилась в одну точку и принялась бормотать что-то вроде «стри... стри». То ли «смотри», то ли «сотри».

— И долго я так? — Моё сердце потихоньку из горла спускалось на положенное ему место, уже неплохо.

— Минуты две-три. Мы звали тебя, звали — ни в какую. Надо было сразу хватать.

Показалось? Галлюциногенная вонь? Но на полу у моих ног лежал клок седых волос. Я схожу с ума. Здесь, в подвале, обитают все мои страхи. Не хватает только бездонной пропасти, тараканов и медсестры со шприцем.

Мы вновь стали продвигаться вперёд, еще медленнее и осторожнее.

— Дядя Вова! — крикнул Яш и метнулся куда-то влево.

У стены сидел дядя Вова и спокойно тыкал пальцем в экран своего телефона.

— Ты! Бросил нас! Напугал! — накинулась на него Галя. — Сидишь тут и лыбишься. Что случилось?

— А? — очнулся дядя Вова. — Вы чего? Я пошёл вперёд, смотрю — тут всё в порядке. Решил вас подождать. Вот, эсэмэс пишу.

— Кому?

— Себе. Чтобы не забыть.

— Чего не забыть? — едко спросила Галя.

— Вас.

Она раздражённо фыркнула.

— А не откликнулся почему?

— Откликнулся. Я сразу вам сказал: идите сюда. Вы тормозили, не шли.

— Он не в себе, — прошептал мне на ухо Яш. — Воздух тут ядовитый, гнилой. Голова кружится.

— Вставай, паразит! — рявкнула Галя и потащила дядю Вову вверх. — Из-за тебя дети страху натерпелись.

— Я-то что, я ничего, я просто... — бормотал дядя Вова. На его щеке была длинная царапина, лицо опухло, глаза покраснели. На ногах он стоял неуверенно, покачивался.

Мы пошли дальше, уже по щиколотки в мусоре. В луче фонарика Яша я заметила крысу. Она юркнула под коробку, исчезла.

— Раз тут крысы, значит, никаких чертей, — уверенно сказала Галя. — Крысы с кем попало жить не будут. Они разборчивые очень.

— Вижу бачки, — сказал Яш. — Вон они, в углу. Полные, с горкой.

— Не подходи, — вдруг встрепенулся дядя Вова. — Назад. Все назад!

— Что? Что случилось? — наперебой загалдели мы, а потом подавились собственным криком.

Мусор из бачков начал извергаться, как лава из вулкана. Пол заходил ходуном. Со всех сторон одновременно подул ветер, и на нас понеслась стая белых пакетов с ручками. Мне облепило лицо. Я сбросила пакет, но тут же налип новый. Рядом махал руками Яш, уже похожий

на снеговика. Задыхалась Галя — пакет закрутился у неё на шее. Только дядя Вова был в относительной безопасности — он лёг на мусор и закрыл голову руками.

— Отмена! — захрипела Галя. — Отмена! Отмена! Отмена!

**Это Катя, Яш сказал, раз у меня
снова получается заметки диктовать,
то пусть я этим и занимаюсь, а он будет
думать, потому что больше некому**

Галю мы потеряли. Она пожертвовала собой. Она...

Когда налетели хищные пакеты, Галя закричала про отмену. Это реально её суперсила, потому что пакеты сразу успокоились и начали отваливаться. Но стоило Гале замолчать, как они снова набросились, ещё сильнее, и их стало больше. Галю они моментально спеленали по рукам и ногам, видимо, у пакетов из «Шестёрочки» коллективный разум, как у каких-нибудь пчёл или муравьёв. Нас тоже облепили. И Галя опять закричала: «Отмена! Отмена!» В общем, скоро стало ясно, что, пока она кричит, мы более-менее свободны. И тогда дядя Вова приказал нам с Яшем бежать вверх, в торговый зал. Но мы отказались, потому что своих не бросаем. То есть Яш отказался, а я не успела. И тогда дядя Вова схватил нас за шкурки, как котят, и поволок к лестнице, а Гале проорал, что вернётся за ней. Не знаю, слышала ли она хоть

слово. «Отмена! Отмена! От-ме-на-а-а!» — кричала Галя, и голос её всё отдалялся, отдалялся, отдалялся...

Дядя Вова выволок нас наверх и швырнул через дверной проём в зал. Дядя Вова ужасно сильный, вероятно, от адреналина. Я читала, что люди, когда психуют, и не такое могут. Мы повалились на пол, а он сказал, что, если сунемся вниз, он сам нас приберёт. Быстро и окончательно.

И бросился назад, в темноту и вонь.

Мы сидели с Яшем на полу, обнявшись, и смотрели в разъявленную жадную пасть дверного проёма. Казалось, прошло много-много часов. Мы напряжённо вслушивались, но магазин словно утонул в полной тишине. Нас будто обмотали ватой и засунули в коробку, а коробку — в ящик, а ящик — в кладовку, и оставили там на долгое хранение. Я прижималась к Яшу, но тогда совсем об этом не думала. Уверена, он тоже не думал о том, что стискивает меня крепко и нежно, уткнувшись подбородком в мою макушку. Мы просто сидели. Так, наверное, чувствуют себя двое сирот, которые одни на всём белом свете, которых никто не найдёт, никогда.

А потом из тёмного проёма вывалилась Галя. И сразу следом показались две руки. Они вцепились в косяк, и я решила, что это монстр, какой-нибудь мерзкий старик-помойник, и теперь нам конец, уставилась на костяшки его пальцев, на кровавые пятна, и оно, оно, это нечто, глухо застонало из тьмы, а Яш сдавил меня больно, и я дёрнулась, чтобы вырваться, а сама всё смотрела

на руки из подвала, и они заскользили по косяку вниз. А когда упёрлись ладонями в пол, в проём на четвереньках вполз дядя Вова. Дверь захлопнулась.

Бах!

Мы ещё долго приходили в себя. Дядя Вова никак не мог отдышаться. Галя лежала на спине и пялилась в потолок невидящим взглядом. Иногда тихонько хихикала. Знакомо. Но я не смогла вспомнить, где уже слышала такое. Галя потом всё время хихикала. Видимо, это реакция. Разновидность нервного тика.

Мы решили больше не геройствовать. Да и не осталось у нас идей. Перекусили. Несколько раз обошли торговый зал, отметили, что еда почти вся исчезла. Осмотрели свои жёлтые ценники — эти, наоборот, исчезать не торопились. И по-прежнему не отдирались. А потом Яш сказал:

— Надо проверить камеры, вдруг заработали.

— С чего бы им работать? — вяло отозвалась Галя и хихикнула.

— Да ни с чего. Тут всё ни с чего.

— Вперёд, — скомандовал дядя Вова.

Он рванул через зал, и мы побежали следом. Не хотелось отстать от самого сильного из нас человека. А когда ворвались в кабинет, чуть не врезались в дядю Вову, который стоял в центре и разглядывал помехи на экранах.

— Это называется снег, — сказала я просто так. — Ну, когда мельтешат помехи вместо изображения, похоже на метель. Метель — это снег.

– Понятно, что не дождь, – буркнул Яш.

Дождь... Дождь... В голове блеснула мысль, но так быстро погасла, что я не успела её подумать.

– А где Галя? – обернулся к нам дядя Вова.

– Здесь, – сказал Яш.

– Нет, – сказал дядя Вова.

Гали с нами и правда не было. Дядя Вова выругался.

– Пойду за ней и... – Наши лица перекосило от ужаса, и он добавил: – Обещаю. Я скоро. Ни шагу отсюда, поняли? А то придётся и за вами ходить.

Он ушёл, а мы на этот раз обниматься не стали. Яш молча глазел на экраны, а я вертела в голове слово «дождь». Дождь. До-ждь. Дож-ж-ждь.

– Смотри! – воскликнул Яш.

– Ты чего так неожиданно? – возмутилась я. – Мало я сегодня боялась?!

Он сел на корточки рядом со столом и вытащил небольшую коробку, похожую на отпугиватель комаров.

– Генератор помех. Я такой в ГТА видел. Кто-то очень не хотел, чтобы мы могли пользоваться камерами.

Яш положил коробку на пол и раздавил её.

Экраны прояснились. Раз, и мы видим мясной отдел. Два – кондитерка. Три – первая касса. Четыре – пустой угол, где раньше стоял алкоголь. Что-то там мелькнуло. Мышь. Или воробей. Пять – шампуни. Шесть.

Шестой экран показал, как дядя Вова открывает одну из дверей и решительно шагает через порог.

– Неужели в подвал? – выдохнула я.

– Нет, – сказал Яш упавшим голосом, – это складская.

– Останови его! Верни! Он не справится, мы ведь уже убедились, что не можем противостоять этому... этому... Вот в фильмах все погибают именно потому, что не учатся на своих ошибках и лезут куда не надо!

Яш глянул на меня насмешливо, я решила не развивать тему.

– Подождём, – сказал Яш.

Время шло, если оно тут вообще было, экраны включались. Теперь мы видели весь торговый зал.

– Ну хватит, надо что-то делать. – Яш начал вставать с дяди-Вовинога кресла, да так и остался в полуприседе. Потому что на экране появилась Галя. Она вышла из той самой складской двери и поковыляла к кассам. Через зал. Мы оторопело следили, как она пропадает с одного экрана и появляется на другом. И опять. И снова. А вот дядя Вова так и не появился.

Примерно в середине зала Галя остановилась. Криво улыбнулась, постояла немного и вдруг резко вскинула руки. Раздался громкий щелчок – так могла бы сломаться гигантская сухая ветка. А потом начали распахиваться двери. В подвал, в подсобки, в кладовки, вообще все.

– Жееееесть... – прошептал Яш.

Из дверей – сначала медленно, по одному, – полетели пакеты. Потом больше, быстрее. Галя откинула голову назад, прям выгнулась дугой, раскрыла рот и скрюченными пальцами потащила из горла что-то белое. Пакет!

И тут отовсюду натурально хлынуло!

Коробки, бутылки, упаковки, грязь, слизь, гнильё, тряпки, огрызки, а из складской будто ударила огромная волна: медицинские маски, перчатки, куклы, маленькие танки. Опять танки?! Вылетела целая стая наручников. Посыпались противогазы, респираторы, лопаты. Белые ленты разматывались вверх и вверх.

— Бинты? — Яш продолжал шептать.

— И там ещё... ещё... зонтики?

Да, десятки зонтов летели в зал, падали, ударялись об пол, раскрывались и оставались лежать, словно здоровенные убитые бабочки.

— Она открыла контейнеры с реальностями! — догадался Яш.

Мы уставились друг на друга. Бледные, трясущиеся, выбивающие дробь зубами.

— И выпустила подвальную нечисть, — наконец смогла выдать я.

Мы смотрели друг на друга, чтобы не смотреть на экраны. Чтобы не видеть выползающее из подполья. А оно выползало, оно двигалось в нашу сторону. Это мы знали наверняка.

Катя сказала, чтобы я говорил, потому что ей страшно

Экраны дружно моргнули и погасли.

Даже помех не стало, просто чернота. И слышно было только, как прерывисто дышит Катя и как дышу я сам. Каждый вздох может оказаться последним. Они идут.

Руки и ноги перестали двигаться — я стал бетонным. А внутри бетона кто-то маленький отчаянно бился, желая жить. Хоть ещё минутку. Потому что так нельзя, неправильно, несправедливо.

И вдруг бетон треснул. Голова очистилась. Я должен спасти Катю. Для этого я здесь.

Отовсюду лезли и лезли тёмные сгустки мусорной жижи и расползались по торговому залу, как огромные слизи.

Мусор склеивался, собирался в громадные кучи. Они двигались по залу, словно что-то искали. Из куч стали